

Глава 1. БАРЧУК

Русский — это не национальность. Это образ жизни. Образ бесшабашный, авантюрно-находчивый, непредсказуемый, шальной, стихийно-своеобразный, но всегда душевный, сердечный, создающий себе проблемы, страдающий от них и вечно от этого несчастный, плачущий по своей тяжелой доле. Очень радуется, если что-то у нас получается из ничего, сходится то, что никогда не должно было сойтись, и когда из самого паршивого дерьма получается конфетка или то, что очень важно для жизни. А уж если впихнем куда-нибудь совсем невпихуемое, то от этого факта мы просто счастливо тащимся, слюняво-продолжительно и прилипчиво-сладко. Хотя даже самый тонкий намек на самые толстые обстоятельства, что ничего не выйдет, не имеет для нас ни малейшего значения, до тех пор пока голова русского умельца и его золотые руки не найдут в этих обстоятельствах своего надлежащего применения. Не с одного бока, так с другого. Не пойдёт, так поедет! Не мытьём, так катаньем! Неудачи нас только подстегивают на новую дурь, и вот она — то, что как раз и может стать тем не превзойденным никем результатом, которым гордится и хвастается русская душа. На смех всем и самому себе. Только я смог! А вам слабо? У русского человека получается всё, кроме обустройства своей счастливой жизни.

Я ребенок двадцатого века. Со всеми его недостатками и преимуществом перед детьми каменного века. Но двадцатый век — это не моё время! Я не могу привыкнуть к дарам цивилизации. Тянет меня к дикому и непознанному. Это относится, прежде всего, к природе, к ее чудачествам, разнообразию и удивительным преобразованиям. Да. Я люблю природу. Особенно тогда, когда она в кастрюле. Прекрасно приготовленная дичь меня очень сильно радует. Это точно у меня от пращуров. Я так наголодался, что хорошо пожрать —

самое главное в моей жизни. Я считаю, что кулинария — это величественный жест и уважение к тому, кого хочешь приятно угостить и порадовать. Понимаю — голод не тетка, но я сейчас о другом. Мил тебе человек — ты постарайся сделать для него всё возможное, чтобы найти особый рецепт, приготовить кушанье так, чтобы он надолго запомнил твой стол и твое сердечное к нему отношение. Пусть даже если вы готовите и для себя. Любовь к себе тоже никто не отменял. Не нравится тебе человек — да кинь ты ему в миску вчерашнее или всё, что найдешь в холодильнике, можешь даже руки не мыть, не довари что-то или пересоли. Сожрет! Но отношение уже не то.

Я однажды ел салат из грецких орехов. Интересная затея. Если бы еще эти орехи были хорошо очищены от скорлупы! Незабываемо! Сколько лет прошло, а я забыть такое не могу. Можно и такую память о себе оставить. Это я все к тому, что люблю хорошо и вкусно поесть. Да, иногда я позволяю себе лишнего, не совсем по средствам, но оно того стоит. Оправдываю себя тем, что завтра я этого уже не захочу. Или, может, даже помру, и тогда уже никакие деликатесы не полезут мне в рот.

Люблю готовить шедевры, но при первой же возможности мечтаю всю трудоемкую, нудную работу взвалить на другого. А если у него еще что-то получится... Пропадет человек в сетях моих льстивых слов и настойчивых скромных просьбах — восхитить своими способностями еще раз весь мир и меня в первую очередь! Это что касается моего дикого генетического пласта — совсем глубокого, идущего от примитивного желания что-нибудь, когда-нибудь или кого-нибудь съесть. Пусть это будет мамонт, сосед по пещере или банан, за которым, правда, надо еще залезть на высокую пальму, сорвать его там, спуститься обратно, и еще его придётся чистить... на пережевывание уже и сил не останется. Нужны те, кто хорошо лазает по деревьям и мало ест при этом. Но таких... не очень много. Все — прожорливые эгоисты. И на деревья лезть не хотят. А уж если залезут, то сами всё там и сожрут! Надеяться не на кого.

Обожаю крепостное право! За тебя все всё делают, пашут, занимаются хозяйством, а ты ходи только посматривай да покрикивай на то, что не понравилось! Вот такая жизнь — для

меня! Чтобы я хорошо жил, все должны хорошо работать! Я баловень судьбы. В ней мне всё давалось легко, без усердий, полушутя и как бы играючи. Я не жил. Я играл в жизнь. Не относился строго к серьезным вещам, свои поступки всегда оправдывал случайно сложившимися обстоятельствами, ставил свои желания превыше других, любовался собой и наслаждался тем, что я просто есть и я единственный для всех и неповторимый! При таком раскладе мои амбиции всегда мешали жить чужим амбициям. У каждого в голове полно своих тараканов. А это совсем мне не нравилось, а временами и просто раздражало меня.

Как я уже намекнул, моя жизнь всегда состояла из доказывания самому себе и окружающим, что я лучше всех. В это, безусловно, помогла мне уверовать моя семья. Любимое дитя у кучи бабушек и дедушек, единственный и самый любимый сын своих родителей. Семья благополучная, летающая от счастья во сне и наяву от собственной любви и от заботы друг к другу с вечным сюсюканьем с тем, кто является итогом их совместных счастливых событий — знакомства, встречи, любви и свадьбы. По-другому и быть не могло!

Мои родители меня ждали. Я появился! Катался я в их счастливой жизни, как сыр в масле! Этот никем, ничем не остановленный, позволяющий себе вытворять всё, что заблагорассудится, всеми прощаемый, а от этого ленивый, мой эгоистический образ жизни как раз и создал ту атмосферу моего безделья, когда незанятое грубым трудом тело мается дурью и нянчится со своими эмоциями и желаниями практически со дня своего рождения до седых волос и поощряет все авантюрные мысли, идеи и поступки, исходящие от изнеженного тела, от того, что разум — почти еще детский, способный только мечтать о несбыточном и философствовать. Как было бы хорошо, если бы всё то, что не может сбыться — сбылось! Как в сказках!

Мне моя лень помогла много добиться! Лень ходить пешком — садись на велосипед! Схитри, найди выход, комбинацию, лазейку, чтобы полностью обеспечить себя свободным временем, которое даст тебе возможность заниматься любимым делом. Если бы я сейчас работал на каменоломне, то вряд

ли бы написал даже пару строк, которые вы сейчас имеете удовольствие читать. И сил не было бы, да и настроения. Какое творчество! Пожрать бы да спать лечь вовремя! Поэтому искусство легче прилипает к бездельникам, лентяям и таким лежебокам, как я. Конечно, и в тяжелой работе может быть свое творчество и удовольствие... но я имею в виду сейчас не то творчество, когда ворочают с нежностью и в нужную сторону шпалу, а то творчество, которое можно повесить на стену, принести на выставку, издать книгой или представить иным предметом, и им будут восхищаться люди. Любовь создает! Любая деятельность порождает ответственность и огребуху. К чему такие переживания? Без них легко и свободно. Живи и радуйся!

Только труд всегда портил моё доброе отношение к этой жизни. Особенно, если он назойлив, навязчив, необходим и злободневно важен. Чрезмерная любовь, особенно родительская, калечит изначально! Уродует характер обожествляемого. Одним словом, меня и тогда, и сейчас надо было гладить по голове, целовать в щечки, чесать спинку и говорить мне постоянно нежные слова, какой я замечательный и неповторимый. Какое там воспитание трудом!? Успеет еще намучиться наше чадо во взрослой жизни! Научится! А пока есть время этого не допустить, за него все сделают родители. И вины нет у чада! На него указал перст судьбы, в его сторону улыбнулись небеса — это его родители, можно сказать, его создатели, с первой минуты его жизни и навсегда избрали своего детеныша вторым после Бога. А то и первым! Он не только избран, но и причислен к лику святых семьёй, как мафией! Попробуй отказаться от лишней ложки каши, попробуй не одеть красивую и теплую одежду в ущерб своему здоровью! Попробуй воспротивиться всеобщему вниманию к тебе, попробуй поднять тяжелое или замахнуться на опасное! Сразу стреножат. Не виноват ребенок в том, что он родился долгожданным. Даже хорошо, если ребенок родился чуть-чуть больным, это позволяет ему вытворять всё, что он захочет, оправдывает любые его поступки — все как они есть и все какими они ещё будут. А в интеллигентной семье с добрыми моральными устоями, где на первом месте забота друг о друге, искренняя

трепетная и вечная любовь — кто закашлял первым, тот может вообще больше ничего не делать! Лежи, сиди и наблюдай с высоты болезненного положения страдания и старания твоего ближайшего окружения по поводу твоего несвоевременного критического состояния и требуй выполнение любого своего желания. От велосипеда до сопливого щенка лабрадора. Последнее желание умирающего от насморка — это святое!

И мои родители все трудности брали на себя, прикрывая меня от неожиданных опасностей — собачьего рычания, кошачьего лишая, плохой компании, неправильных книжек, слишком ранних взглядов на женщин — в кино и в жизни. От этого я стал больше трусоват, чем осторожен. Это опять-таки отголоски моего безмятежного детства. Меня всегда оберегали от переживаний, от жизненных проблем. И я стал бояться неизвестных мне страстей, скандалов, ругани, выяснения отношений, не говоря уже о бытовых войнах между соседями и сверстниками. Это нарушает заложенную во мне моими родителями, узаконенное моим свидетельством о рождении великое спокойствие, непричастность ко всему происходящему вокруг меня, равномерную жизнь и тишину моего внутреннего мира и все мои светлые планы на протяжении всей моей легкой жизни, когда просто нельзя ни о чем плохом даже подумать. Этот безмятежный ритм ничто не должно прервать.

Желание сохранить свой мир нетронутым и огороженным ото всех неприятностей научило меня подстраиваться под мнения некоторых слишком уж сильно беснующихся особей. От молчания до чистой лести. Люди ведь так часто хотят слышать о своей уникальности, незаменимости, значимости, важности, красоте и образованности. Ради бога — я им предоставляю такую возможность это услышать. В этом тоже нет ничего плохого, ибо доброе слово и кошке приятно. И всегда лучше, в обычном разговоре, человека называть хорошим и замечательным, чем постоянно повторять ему, что он идиот и дурак, с которым не стоило встречаться на одной дороге и разговаривать на различные по сложности темы.

А лучше вообще ни с кем не связываться. Я никого не трогаю, и меня никому трогать не надо. Мой диван — моя